

Этика ответственности современной российской молодежи

Н.Н. Зарубина

Исследуются трансформации морали в современном сложном обществе. На примере нравственной позиции современной российской молодежи показано, что рост социальной безответственности представляет серьезный вызов для развития страны.

Культурно-нравственная позиция молодежи отражает тенденции трансформаций морали и представляет острую проблему, поскольку молодежь является важнейшим ресурсом любого общества. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011–2015 гг. отмечает наличие серьезных дисфункций социализации современной российской молодежи, которые требуют самого пристального внимания. Среди них выделяется пассивность и инфантилизм молодого поколения, нежелание и неумение принимать активное участие в судьбе своей страны, что может негативно сказаться на развитии России в будущем, когда нынешняя молодежь станет основным субъектом принятия решений. В ФЦП также констатируется «низкий уровень вовлеченности молодежи в социальную практику. В настоящий момент доля молодых людей, активно участвующих в жизни общества, составляет менее семи процентов от общей численности молодежи»¹.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что в культурно-нравственной позиции молодежи современной России слабо развита этика социальной ответственности как ориентация на целенаправленную деятельность, имеющую социально значимый смысл, результаты которой будут рассматриваться в качестве личного вклада в развитие общества. Безответственность молодых людей имеет и повседневные проявления, состоящие в нежелании планировать собственную жизненную траекторию, проявлять активную заботу о близких, в желании жить «одним днем», в противопоставлении личного и общественного, в стремлении к гедонистическому образу жизни, к неоправданным рискам и т.д. Все эти проблемы весьма осложняют повседневную жизнь российского общества².

Для конструктивного решения перечисленных проблем необходимо рассмотреть историю и социокультурный контекст их возникновения. Причины следует искать в переходном состоя-

Зарубина Наталья Николаевна – д. философ. н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru
Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 10-06-00424-а и № 12-06-00112-а.

нии российского общества, обусловленном не только реформами и модернизацией последних двух десятилетий, но и его непреднамеренными трансформациями в контексте тенденций мирового социального развития, становлении в глобальном масштабе сложного социума и мирового общества риска, с присущими им радикальными изменениями в сферах культуры и морали³. Усложнение общества и сопровождающие его трансформации ценностных ориентаций и нравственных стандартов представляют серьезный вызов современной России.

**«Структурированная безответственность»
как особенность культурно-нравственной
позиции молодежи в современном сложном
обществе**

Трансформации российского общества сопряжены с общемировыми тенденциями нелинейной социокультурной динамики, обусловленными ростом сложности современных обществ под влиянием глобализации, сетевых взаимодействий, информатизации, экологических вызовов и т.д. Эти трансформации связаны с качественными изменениями социальных реалий, общественных институтов и повседневной жизни и оказывают на положение молодежи и ее культурно-нравственный облик не меньшее влияние, чем внутренняя политика реформ и модернизации.

Еще М. Вебер показал, что культурно-нравственная позиция индивида может соотноситься с двумя различными типами этики: этикой убеждения и этикой ответственности/успеха⁴. Этика убеждения основывается на вере в безусловный авторитет нравственных и духовных ценностей, она присуща верующим и идеологически ангажированным людям и предписывает следование изначально заданным моральным стандартам. Опираясь на теорию М. Вебера, считаю целесообразным дополнить приведенную здесь типологию этических систем этикой служения, которая присуща иерархическим обществам с предписанным статусом, предполагающим наличие у индивида ряда обязанностей, выполнение которых является условием его полноценного членства в обществе. Нравственная позиция, основанная на этике служения, предполагает, таким образом, осознание индивидом и группой своего места и своих функций в социальной системе и неукоснительное выполнение этих функций, рассматриваемых как долг перед обществом⁵.

Этика ответственности/успеха сложилась в новейшее время в условиях свободы совести и культурного плюрализма. Она предполагает способность индивида самостоятельно выбирать и формулировать цели и средства их достижения и оценивать результаты по критериям успешности, а также давать им моральную оценку, исходя из собственных интерпретаций абстрактных представлений о добре и зле. Социальная ответственность предполагает выбор целей и средств их достижения таким образом, чтобы результаты

деятельности служили удовлетворению потребностей общества или хотя бы не противоречили общественным интересам.

Специфика молодежи состоит в транзичности, т.е. переходе от одного этапа жизнедеятельности к другому, предполагающем последовательное изменение социального статуса, результатом которого становится достижение социальной зрелости⁶. В процессе транзичности осуществляется переход от безответственности детства и ранней юности к ответственности взрослого человека, которая распространяется как на собственную жизненную траекторию, на ближайшее окружение, так и на общество. Стремление молодежи к обретению собственного независимого от взрослого мира социального пространства свободы и самореализации воплощается в таком явлении, как молодежная культура (это понятие ввел в науку американский социолог Т. Парсонс). По его мнению, современные институты социализации, такие, как школа, вуз и др., способствуют выходу молодежи из-под традиционных семейных форм контроля и при этом оставляют большое пространство досуга, свободного времени, не отягощенного самостоятельной хозяйственной и общественной деятельностью, а зачастую и необходимостью заботиться о самообеспечении. Поэтому подростковый период он назвал «структурированной безответственностью».

Молодежь в современном обществе оказывается помещенной в структурную нишу, формируемую институтами социализации, которая дает возможность свободно предаваться поиску своего места в обществе, не задумываясь о возможных последствиях поисков и не осознавая эти последствия как реальные факты, с которыми придется иметь дело в будущем. Сознание и поведение молодых людей можно адекватно описать с помощью «парадокса Гидденса», суть которого состоит в том, что «люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнестись к будущему, с каким они относятся к настоящему»⁷. Поступки, которые кажутся молодежи доказательством самостоятельности и независимости действий и суждений, на самом деле нередко имеют опасные, деструктивные последствия.

Парадоксально, но развитие современных институтов социализации способствует инфантилизации молодежи, нежеланию взрослеть, то есть принимать на себя всю полноту ответственности за собственные действия, планировать их и прогнозировать их результаты, которые затем необходимо принимать в качестве предпосылок дальнейших действий. Этому способствует дистанцирование от семьи за счет пребывания в учебных заведениях, образовательных учреждениях, компаниях сверстников, досуговых учреждениях в свободное время при сохранении в полном объеме опеки со стороны родителей. Социолог Н. Зоркая считает, что росту инфантильности современной российской молодежи способствовало возникшее в годы реформ от-

чуждение от повседневных проблем старших поколений, в том числе и в семье. Молодые люди самоустраиваются от решения проблем быта, материального обеспечения, создания условий семейного комфорта и порядка. Трудовая деятельность, которую многие молодые люди сегодня начинают раньше, чем их родители, совмещая учебу с работой, нацелена, главным образом, на обретение независимости от семейного бюджета, а заработки представляют собой, по существу, «карманные деньги», предназначенные для собственного потребления и развлечений, а не вклад в «общую кассу»⁸.

Кроме того, в современном обществе дистанцирование от семьи и наличие большого количества свободного времени, а иногда – и свободных денег, сочетается с доступностью развлекательной досуговой инфраструктуры, индустрии развлечений и массовой культуры, ориентированных на молодежь как целевую аудиторию. При этом производители продукции индустрии развлечений и массовой культуры, как правило, учитывают вкусы и запросы молодежи, но не предполагают или сводят к минимуму воспитательные функции этих институтов. Рекламный слоган «Себе в удовольствии не откажешь!» стал в последнее время одним из наиболее ярких вербальных символов, выражающих суть ценностных ориентаций значительной части молодежи.

Новым фактором подрыва этики ответственности среди молодежи стала приобретенная молодежной культурой потребительская и коммерческая составляющая. Она обусловлена, во-первых, превращением молодежи в самостоятельного потребительского субъекта, во-вторых, превращением молодости с ее привлекательными свойствами – физической красотой и силой, здоровьем, энергией, мобильностью, оптимизмом и т.д. – в коммерческий бренд. Следствием становится инфантилизация не только молодежи, но и общества в целом: «культ детскости и молодости распространился в широкие массы, формируя общество, отказывающееся взрослеть, культивирующее гедонистические ценности, желающее получать удовольствие “здесь и сейчас”. Погруженность в настоящее освобождает от необходимости строить серьезные планы на будущее, молодечество помогает преодолеть отчуждение, связанное с отсутствием веры в возможность социальных перемен и лучшей жизни»⁹.

Всеобщая инфантилизация оказывает пагубное влияние на культурно-нравственный облик молодежи, поскольку у молодых людей развивается неоправданное ощущение собственного превосходства над старшими, которые только лишь имитируют молодежный стиль. Все это приводит к ослаблению связей между поколениями, утрате молодежью чувства причастности и к собственной семье, ее повседневным заботам, и к исторической судьбе и повседневной жизни своей страны, своего народа, а в итоге способствует утрате чувства ответственности и

за собственное будущее, и за то, что происходит в обществе. Как отмечает Д. Даффлон, в конце 2000-х гг. 36% опрошенных молодых людей считали, что жизнь их родителей «не удалась», то есть молодежь не хотела бы воспроизводить жизненный путь своих родителей, считая их недостаточно успешными, состоявшимися людьми¹⁰.

Транзиция представляет собой социально обусловленное явление, и ее формы несут на себе отпечаток конкретных социально-исторических периодов и социокультурных особенностей того или иного общества. В современном обществе особенности транзиции обусловлены его сложностью, рефлексивностью и нелинейной динамикой, изменением роли и места социальных структур и институтов в процессе социализации, трансформацией ценностных ориентаций и нравственных стандартов. Прежде всего, это тенденции к выходу за рамки культуры модерна, которые обнаружили экономически развитые общества на рубеже XX–XXI вв. Новое состояние культуры, получившее название «постмодернистской», «рефлексивного модерна», «радикального модерна», по мнению З. Баумана и других ученых, характеризуется распадом универсальной «арочной морали», ценности и нормы которой постепенно утрачивают императивность и общезначимость, становятся объектом рефлексивного осознания и индивидуального выбора. Так, З. Бауман утверждает, что в современном обществе человек обречен жить в состоянии постоянных моральных дилемм, неразрешимых в силу отсутствия универсального рационального порядка¹¹. Этика убеждения, предполагающая безусловную веру в незыблемые ценности, или этика служения, основанная на следовании долгу перед обществом, уходят в прошлое и не могут более служить достаточным основанием для принятия нравственных решений, поскольку все ценностные и социальные иерархии стали относительными.

Состояние нравственности современной российской молодежи подтверждает выводы социологов о релятивизации современных ценностей. Молодое поколение россиян гораздо терпимее и снисходительнее относится к нарушению норм морали, чем старшие поколения. Социологические опросы, проведенные учеными Института социологии РАН, показывают, что современная российская молодежь считает, что иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы для того, чтобы добиться успеха в жизни, поскольку современный мир жесток (59% в возрасте 18–25 и 52% – 26–35 лет). При этом для старшего поколения, воспитанного в советский период, типично (63%) противоположное суждение: «лучше не добиться успеха в жизни, но не переступить через свои моральные нормы и принципы»¹². Самой приемлемой из аморальных практик для современных россиян, в том числе и молодых, является практика сознательного обмана кого-то для достижения

своих целей. При этом в среде молодых россиян ее противниками являются лишь чуть более трети (38–39% среди молодежи и 56% среди старших), а прибегали к ней – 41–45% молодежи (27% россиян старше 35 лет)¹³.

Эта особенность культурно-нравственной позиции молодежи не может не вызывать тревогу. В то же время такое «вольное» обращение с моральными нормами может объясняться не только как результат проблем социализации молодого поколения в России, но и тем, что сложность российского социума постоянно возрастает и в условиях глобализации объективно порождает плюрализацию и релятивизацию моральных ценностей и норм, стандартов повседневного поведения. Это осложняет выбор жизненной стратегии и лишает возможности применять однозначные критерии их успешности и эффективности на индивидуальном уровне, а на уровне общества — оценить успешность и эффективность социализации молодого поколения.

В соответствии с нормами этики ответственности на самого индивида ложится ответственность за принимаемые решения нравственного характера. Как отмечает английский социолог Э. Гидденс, в сложном современном обществе независимость от внешних факторов социокультурной регуляции заменяется зависимостью от собственных решений¹⁴. Поэтому именно теперь сформированная у индивида культурно-нравственная позиция приобретает особое значение. Она должна отличаться рефлексивностью и динамизмом, способностью к самотворению и самоорганизации на основе постоянного отслеживания меняющейся социальной реальности в условиях отсутствия универсальных жизненных ориентиров, безусловных образцов для подражания. Однако такая позиция требует высокой личностной зрелости, способности к самооценке, к выбору в условиях неопределенности и риска, то есть развитой этики ответственности. Социальные и моральные проблемы современных обществ свидетельствуют о том, что готовность индивидов действовать в условиях растущей сложности и неопределенности отстает от социального запроса на такую готовность. Особенно ярко эта проблема проявляется в среде молодежи, которая, в силу отсутствия собственной устойчивой социальной позиции и жизненного опыта, нередко объективно не в состоянии принять на себя ответственность за собственные решения и действия.

З. Бауман в работах последних лет показывает, что для сложных социумов в конце первого десятилетия XXI в. характерны трансформации в направлении «текучести», т.е. краткосрочности, подвижности всех социальных связей. При этом ответственность также становится все более инструментальной и краткосрочной, не предполагающей длительные и устойчивые обязательства как в личных, так и в социальных отношениях¹⁵. Современный молодой че-

ловек тяготеет к необременительным связям при минимальной ответственности, например, предпочитает высокооплачиваемую работу по контракту стабильному положению и социальным гарантиям при постоянной занятости¹⁶.

Состояние неопределенности, имманентное современному сложному социуму, влечет за собой состояние хронической аномии как ценностно-нормативного вакуума, возникающего вследствие утраты оснований для выбора адекватных ценностно-нормативных стандартов социальных действий в условиях плюрализма ценностей. Для культурно-нравственной позиции современной молодежи это означает невозможность полагаться на традиционные ценности и нормы как надежные, заслуживающие доверия ориентиры для выбора собственной жизненной стратегии. Образцы, представляемые старшими поколениями, для современной молодежи уже не могут служить однозначными ориентирами в принятии решений по принципиальным вопросам. Например, если еще несколько десятилетий назад выбор профессии практически всегда означал закрепление социального статуса и определенной жизненной траектории, то в современных экономически развитых обществах, по данным социологов, квалифицированный специалист меняет профессию около десяти раз на протяжении карьеры в зависимости от изменений экономических и иных обстоятельств. Сами же полученные в процессе обучения знания и навыки устаревают в течение, в среднем, пяти лет, поэтому полученное образование и квалификация не могут служить гарантией профессионализма и надежного трудоустройства.

Современный молодой человек постоянно находится в условиях риска как ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности¹⁷. Специфика риска состоит в том, что он требует от индивида принятия решения, от которого зависит наступление благоприятных или неблагоприятных последствий в будущем. Особенность молодежи состоит в присущем ей стремлении к обретению самостоятельности и независимости от старших, которое нередко оказывается столь сильным, что способно нивелировать чувство риска. Тразияция практически всегда предполагает этап активного неприятия ценностей и норм «взрослого» общества, «бунтарства». Это делает молодых людей особенно восприимчивыми к эпатажным, радикальным, экстремистским взглядам и формам поведения, последствия которых молодые люди нередко просто не в состоянии предвидеть и тем более рационально просчитать. Выбор в условиях риска предполагает несение ответственности за последствия, однако именно эта ответственность и дается молодежи труднее всего. Одним из проявлений безответственности является повышенная склонность молодых людей к неоправданному риску и недооценке возможностей негативных последствий на фоне

перспектив обретения сиюминутных преимуществ — удовольствия, выгоды, высокой оценки со стороны окружающих. Этим обусловлена любовь молодежи к экстремальным развлечениям, опасным формам времяпрепровождения.

Характерной особенностью культурно-нравственной позиции молодежи является ориентация на все новое, нередко противопоставляемое сложившимся в обществе формам поведения, знания, эстетического самовыражения. Ее потребности в новых формах знания являются постоянным вызовом для существующих институтов культуры и закрепленных ими форм деятельности. Для их удовлетворения нередко прибегают к инновационным, авангардистским, эпатажным формам и средствам самовыражения, которые зачастую не соответствуют не только общепринятым эстетическим и этическим нормам, но и нормам гражданской и социальной ответственности.

Проблемы формирования этики ответственности в культурно-нравственной позиции молодежи в современной России

Помимо описанных выше общемировых тенденций социокультурного развития, трансформирующих этику ответственности в культурно-нравственной позиции современной молодежи, существует целый ряд специфических российских тенденций. Они обусловлены длящимися более двадцати лет реформами, переходным состоянием общества, а также особенностями историко-культурного развития России.

Прежде всего, к ним следует отнести отсутствие четко сформулированных целей реформирования и модернизации российского общества, отказ от целенаправленного формирования и поддержания общезначимых ценностей на фоне отрицания не только коммунистической идеологии, но и нравственных основ советской культуры. В современной России отсутствуют общепринятые социокультурные, в том числе и моральные, критерии, согласно которым можно было бы оценивать успешность и завершенность процесса социализации молодежи. Исследователи полагают, что в качестве таких критериев должно рассматриваться достижение молодым поколением социальной зрелости, т.е. в приобретении молодыми людьми собственного социального статуса, их идентификации с различными структурами. При этом имеет принципиальное значение способность молодого поколения к функциональному и продуктивному участию в общественном производстве, культурном творчестве, инновационной деятельности¹⁸.

К сожалению, нынешняя молодежная политика Российской Федерации не опирается на четкие представления о месте молодежи в обществе и не дает ей устойчивых ориентиров относительно ее социальных ролей и социальной ответственности. Вместо активного вовлечения молодых людей в реальную социальную,

культурную, политическую жизнь на разных уровнях — от локального до общероссийского и международного, она зачастую ограничивается работой по организации молодежного досуга и просветительской деятельности. В этом плане молодежная политика Российской Федерации принципиально отличается от молодежной политики СССР. Тогда через политизированные молодежные организации — ВЛКСМ, пионерскую организацию — молодежь активно вовлекалась в разнообразные социальные практики, воспринимала возложенную на нее ответственность за будущее великой страны (характерный лозунг того времени «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!»). Молодому поколению прививались этические принципы исполнения долга и служения своей Родине. Поэтому, — «несмотря на всю пафосность советской молодежной политики, она тем не менее представляла собой структурированную, грамотно построенную и в результате этого эффективную систему»¹⁹. Российской молодежной политике пока недостает именно этой системности и целенаправленности.

По данным социологов, у граждан современной России, в том числе и молодежи, отмечается утрата ощущения сопричастности к происходящему, чувства идентификации со своей страной, ее культурой и историей, что порождает нежелание принимать на себя ответственность за происходящее. Данные социологов свидетельствуют о том, что для некоторой части российских граждан — около 20%, а это миллионы человек, характерна отчужденность от условий собственной жизни, которая представляется им управляемой какими-то внешними силами, в которой они ощущают себя лишь «игрушкой в руках судьбы»²⁰.

Таким образом, в отношении экономического развития, политических решений, социальных отношений, курса модернизации и т.д. почти пятая часть населения современной России ощущает себя не активными их участниками, а пассивными зрителями, мимо которых проходит формирование условий и предпосылок их собственной жизни. Утрата представления о месте молодежи в обществе приводит к невозможности сформировать и ответственность молодежи по отношению к исполняемым социальным ролям. Состояние отчуждения порождает апатию и безответственность, отказ от экономической и социально-политической активности, замыкание в частных интересах.

Можно согласиться с Д. Даффлоном, который утверждает, что на социальную активность российской молодежи оказывает влияние ситуация аномии, порождающей кризис доверия. Проведенное им в 2006–2008 гг. исследование показало, что 51% молодых россиян считают, что большинству людей нельзя доверять, 72% полагают, что люди глухи к проблемам других²¹. Не пользуются доверием молодых людей ни политические деятели, ни государственные институты.

Недоверие порождает и нежелание проявлять активное участие в общественной жизни.

При этом нельзя сказать, что российская молодежь совершенно пассивна. Молодые респонденты декларируют большой индивидуализм и активную жизненную позицию, нежели представители старших поколений, а также готовность к переменам. Молодежь, в особенности младших возрастных когорт, выражает наибольшее согласие с необходимостью активно отстаивать свои права, бороться за свое счастье и создавать его своими руками («человек сам кузнец своего счастья»), а также выражает желание «быть яркой индивидуальностью», проявлять инициативу и готовность рисковать²².

Проблема состоит в том, что отмеченная социологами активная жизненная позиция молодежи проявляется, главным образом, в отношении личного успеха, благосостояния, отстаивания личных прав и интересов. Признание значимости инициативы и активности не распространяется на желание служить обществу, своей стране, т.е. на социально ответственную позицию. Максимум, на что распространяется готовность нести индивидуальную ответственность, – это ближайшее окружение, семья, друзья, коллеги²³. На первом месте среди проблем, волнующих современную российскую молодежь, все-таки не общественно-значимые, а личные связанные в первую очередь с собственным будущим, карьерой, доходами, условиями жизни и т.д.²⁴.

Исследования, проведенные Н. Зоркой среди городской молодежи, показали, что готовность защищать свои права также является в большой степени декларативной: 44% опрошенных молодых людей в случае серьезных нарушений их трудовых прав предпочтут просто перейти на другую работу, примерно каждый десятый ничего не станет предпринимать, 14% затруднились ответить. На активные действия готовы пойти 30% опрошенных молодых людей, а среди работающей молодежи таких оказывается только 23%²⁵.

Стремление активной части молодежи к развитию собственных компетенций, знаний и навыков отстает от готовности принимать на себя социальную ответственность. А.Л. Темницкий, проводивший исследования среди участников образовательного форума «Селигер-2008» отметил, что «в 2008 г. по сравнению с форумом 2007 г. наметился крен в сторону возвышения индивидуально значимых, достиженческих компетенций над коллективно и организационно значимыми»²⁶. В связи с этим выражается опасение, что «односторонняя актуализация проблемы получения новых знаний, развития способностей, навыков и практических умений молодежи вне их увязки с усилением социальной ответственности за происходящее в стране, может привести к перерождению молодежных движений в институты рыночного типа, игнорирующие гражданские обязательства и связанные с ними институты»²⁷.

Все это свидетельствует о том, что в культурно-нравственных установках современной молодежи произошло серьезное смещение в направлении усиления прагматических мотивов и инструментальных ценностей. Это подтверждает факт минимизации этики убеждения, предполагающей акцент на терминальных ценностях. Однако означает ли подобная трансформация усиление этики ответственности?

По оценкам Н. Зоркой, молодые люди предпочитают работу, приносящую высокий доход, но не связанную с высокой ответственностью (банковского клерка, офисного служащего и т.п.)²⁸. Как показывают социологические исследования, образование и профессионализм имеют в глазах молодежи (как и других социальных и возрастных групп) преимущественно инструментальную ценность²⁹. В процессе образования будущая профессия не представляет самостоятельного интереса и ценности для учащихся, они, при акцентировании ценности «самореализации», не связывают ее с избранной профессиональной сферой. Только 39% школьников и половина студентов собираются в будущем работать по специальности, среди молодежи, совмещающей обучение с работой, лишь 32% работают по специальности. Стремление получить образование связано не столько с желанием приобрести знания и умения, способствующие развитию личности, самореализации в интересной профессии, сколько с ценностью «квалификационного ресурса», позволяющего занять высокодоходные экономические ниши³⁰.

Сам процесс образования, получение знаний, развитие интеллекта, аналитических способностей, эрудиции представляет для молодых людей меньше интереса, чем его результат, то есть получение диплома. Отсюда и низкая заинтересованность в качестве самого образовательного процесса и рост прагматизма в отношении получаемых знаний, попытки их разделения на «нужные» и «излишние». Замена терминальной ценности знания на инструментальные ценности получения диплома об образовании способствуют и трансформации его институтов. Содержательная сторона образовательного процесса подменяется его формализованными и количественными характеристиками: сколько курсов прослушано, в каком объеме и т.д. Акцент на формальные критерии успеваемости (академические рейтинги), который делается в современной системе образования, нередко оттесняет на второй план ценность реальных знаний и умений учащихся. Ответственность за собственное будущее, которая связана с выбором профессии и приобретением культурного капитала, подменяется локальной ответственностью за сдачу конкретного экзамена, посещение занятий и т.д.

Кроме того, необходимо учитывать особенность современного информационного общества, состоящую в быстром устаревании знания, а также и в значительных колебаниях рынка

труда. В этих условиях получаемое молодыми людьми образование должно быть направлено не столько на приобретение ограниченного объема конкретных «полезных», «практически применимых» навыков и информации, сколько на обучение самому умению учиться, созданию компетентностной базы для дальнейшего повышения квалификации и ее быстрой смены при возникновении такой необходимости. Для этого необходимо развивать не только систему непрерывного образования, но и вообще возможности для расширения кругозора, мы же в последние годы сталкиваемся с противоположной тенденцией в развитии концепции образования, которое все больше ориентируется именно на «практически применимое знание». Пользуясь концепцией Э. Фромма, можно сказать, что, вопреки потребностям общественного развития, происходит утверждение принципа «иметь» – диплом об образовании, в ущерб принципу «быть» – подлинным носителем и активным создателем знаний, квалификации, культуры³¹. Ответственность за развитие собственной личности подменяется ответственностью за решение конкретных жизненных задач.

Показательно, что для современной России при провозглашенном курсе на инновационное развитие серьезной проблемой является нежелание молодежи заниматься научными исследованиями. В ФЦП «Молодежь России» на 2011–2015 гг. отмечается, что «нарастание формальных показателей, отражающих интенсификацию работы по подготовке новых научных кадров (численность аспирантов во всех отраслях науки в период с 1995 по 2006 г. увеличилась с 62 317 человек до 146 111 человек), сопровождается сокращением числа исследователей (в период с 1995 по 2006 г. число исследователей сократилось с 518 690 до 388 939 человек)»³².

Это свидетельствует не только о непопулярности профессии ученого и отсутствии интереса к науке, а также об использовании ученой степени в качестве символического капитала в сферах профессиональной деятельности, не связанных с наукой. Дело, на мой взгляд, также и в том, что учеба в аспирантуре, особенно очной, существенно продлевает период «ученичества» в жизни молодого человека, позволяет отсрочить самостоятельную творческую деятельность, требующую серьезной ответственности за ее результаты. Продление сроков получения образования, ставшее тенденцией во многих странах, в том числе и в России, ведет и к продлению периода, обусловленного «структурированной безответственностью».

Преобладание инструментальных мотиваций и формального подхода в сфере образования приводит к утрате молодым поколением ответственного отношения к интеллектуальному труду и духовной работе. Однако люди, не способные критически вникать в получаемую информацию, оценивать надежность ее источников, достоверность фактов, корректность вы-

водов, оказываются не способны не только к научной работе, но и вообще к самостоятельному осмыслению происходящего вокруг, в том числе исторической судьбы своей страны, ее прошлого и будущих перспектив.

Дисфункциональные последствия интеллектуальной безответственности состоят в апатии и безразличии, в восприятии от старших поколений ориентации на пассивную адаптацию к существующему порядку вещей, в нежелании и неумении осуществить интеллектуальную и нравственную работу по самостоятельному критическому осмыслению проблем развития страны. Среди молодежи все меньше интереса к прошлому, а также все меньше предпринимается усилий, направленных на усвоение новых для российского общества идей и ценностей.

Закономерным последствием интеллектуальной безответственности становится и появление ложно понятых представлений о своем долге перед Родиной. Но нередко именно желание что-то делать для своей страны, своего народа при отсутствии конструктивных целей, представления о реальной ответственности перед ними у молодых людей выражается в желании «бороться с врагами». Исследования показывают, что в современной России среди молодежи больше, чем среди других возрастных групп, разделяются представления об «исключительности» собственного народа, а также об обидах и потерях, которые пришлось претерпеть их народу в годы советской истории и после распада СССР³³. Среди молодежи также выше, чем у старшего и среднего поколения, поддержка силовых методов решения межэтнических конфликтов, хотя 85% молодых людей и декларирует неприемлемость применения насилия в межнациональных спорах³⁴.

Новым фактором, подрывающим развитие этики ответственности в молодежной среде, стало распространение Интернета. На первый взгляд это кажется парадоксальным, поскольку во Всемирной Сети складывается виртуальное пространство для публичного дискурса и самовыражения, в интернет-сообществах разного типа люди объединяются исключительно на основе общности убеждений, взглядов, вкусов, здесь отсутствуют внешние формальные критерии, препятствующие объединению или, наоборот, принуждающие к нему помимо воли человека. Таким образом, каждый участник сообщества, форума и т.п. сам принимает решения и несет за них ответственность. Однако у свободы в Интернете есть и обратная сторона, с которой и связано ослабление нравственного контроля и этики ответственности пользователей, среди которых преобладает молодежь. Специфика интернет-сообществ по сравнению с реальными социальными сообществами состоит в их парадоксальной открытости: с одной стороны, легкость входа и выхода снимает необходимость поддерживать общие нормы, принципы солидарности, доверия, взаимной

терпимости, которые необходимы в реальных сообществах. Следовательно, молодежь не развивает навыки самоконтроля в социальных взаимодействиях и ответственность за нарушение принципов совместной деятельности. С другой стороны, поскольку поисковые системы во Всемирной Сети устроены по принципу фильтра, помогающего сразу найти то, что интересует пользователя, и максимально исключить лишнее, Интернет способствует замыканию в кругу единомышленников, «своих», которые жестко противопоставляются всем, думающим иначе³⁵. Поэтому в интернет-сообществах нередко развиваются нетерпимость и экстремизм, одной из самых обсуждаемых тем стала грубость и некорректность в Сети. В обществе вызывает тревогу молодежная мода на размещение и просмотр в Интернете видеозаписей сцен насилия, которое нередко целенаправленно совершается именно ради «известности» в Сети. Именно в Интернете получают возможность существовать и действовать ресурсы экстремистского содержания, провоцирующие безответственную агрессию среди молодежи, как это было в Москве в 2010 г. При этом происходит, по выражению социолога Е.Л. Омельченко, детерриторизация молодежного пространства: молодежь, «живущая» в Интернете, виртуально расширяет пространство общения, но реально все больше замыкается в физическом пространстве дома, не неся реальной ответственности ни за одно из них³⁶.

При огромном расширении доступа к разнообразной информации, Интернет провоцирует интеллектуальную безответственность доверчивых пользователей, в особенности молодежи. Дело в том, что специфика информационного пространства Интернета состоит в его нелинейности и мозаичности. Разнообразная информация, которую можно найти там, не выстроена иерархически и логически. Она дает пользователям не целостную картину мира, включающую как объективные знания, так и их обоснованные оценки, позволяющие ориентироваться в мире, а фрагментарные факты и оценки, высказываемые вне единой рациональной и ценностно-нормативной системы. Доступность любой информации посредством Всемирной Сети сопровождается неразборчивостью и утратой внимания к ее

источникам, достоверности, надежности³⁷. Это позволяет использовать Интернет и его аудиторию, в массе своей состоящую из молодежи, для распространения информации самого разного качества и направленности, в том числе социально опасного, экстремистского содержания, но при этом не давая ориентиров для ее критического и ответственного осмысления.

Растущая сложность общества и сопровождающая этот процесс нравственная дезориентация и рост социальной безответственности становятся вызовом для современной России. В классической работе «Бегство от свободы» Э. Фромм показал, что снятие жестких нормативных ограничений, определяющих нравственные и социальные векторы социокультурного развития, нередко приводит не к его подъему, а, напротив, к состоянию растерянности и неопределенности³⁸. Рост безответственности, цинизма, антиобщественных, деструктивных направлений в культурном развитии становятся реакцией на открытость и сложность социума, если люди не в состоянии использовать их конструктивно. А самым тяжелым из возможных последствий отсутствия этики ответственности является желание восстановить в той или иной форме ограничения свободы, вернуть авторитарные методы управления, которые отражают отсутствие желания и готовности принимать на себя всю полноту ответственности за последствия своих действий, стремление переложить ее на какую-то внешнюю силу. Требуется комплексное решение, основанное на создании условий для плодотворного развития творческой личности, ориентированной на ответственное отношение к себе и к окружающим, к обществу и к своей стране.

Zarubina N.N. *E hic of the responsibility in the cultural and moral position of modern Russian youth: the transformation of the moral in the complex society.*

Summary: *The author analyses the transformations of the morality in today's complex society. On the example in the changes in value orientations of modern Russian youth is shown that the growth of social irresponsibility is a serious challenge for the country's development.*

Ключевые слова

Этика ответственности, молодежь, сложное общество, социальные трансформации.

Keywords

Ethics of responsibility, youth, complex society, the social transformations.

Примечания

1. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011–2015 гг.
2. См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа, 2009.
3. См.: Beck, U. World of Risk. Polity, 2010.
4. См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. М.: ИФ РАН, 2006.

■ Социология

5. См.: Зарубина Н.Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // *Общественные науки и современность*, 2004. №1.
 6. Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии. 2003. С. 29.
 7. Цит. по: Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии. М.: МГИМО-Университет. 2011.
 8. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации» // *Вестник общественного мнения*, 2008. № 4 (96). С. 17-19.
 9. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Том 4, № 2. С. 159, 169-170.
 10. См.: Даффлон Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 5 (97). С. 21.
 11. См.: Bauman, Z. *Postmodern Ethics*. Oxford, 1993; Bauman, Z. *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality*. Oxford, 1995.
 12. Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2011. С. 272.
 13. Там же. С. 274.
 14. См.: Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004. С. 62-63.
 15. См.: Бауман З. *Текущая современность*. М.; СПб.: Питер, 2008. Помимо переведенной на русский язык «Текущей современности», вышли в свет работы З. Баумана «Текущая жизнь», «Текущая любовь» (Polity Press, 2005).
 16. Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации»... С. 19.
 17. См.: Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. С. 39.
 18. См.: Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи... С. 32.
 19. Балакирева Е.А. Ноу-хау в молодежной политике: необходимые преобразования или рискованный эксперимент? // *Журнал исследований социальной политики*, 2009. Т.4 (4). С. 545.
 20. Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 63.
 21. См.: Даффлон Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе... С. 31.
 22. См.: Там же. С. 267; 268-269.
 23. См.: Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // *Вестник общественного мнения*. 2007. №3 (89). С. 41.
 24. См.: Темницкий А.Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере участников образовательного форума "Селигер -2008") / А.Л. Темницкий // *Социологические исследования*. 2009. № 9. С. 19.
 25. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной социализации»... С. 20.
 26. Темницкий А.Л. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере участников образовательного форума "Селигер -2008")... С. 27-28.
 27. Там же. С. 28.
 28. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации... С. 19.
 29. См.: Зубок Ю.А. Проблемы риска в социологии молодежи... С.37-38; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. С. 57-58.
 30. См.: Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации ... С.15, 19.
 31. См.: Фромм Э. *Человек для самого себя. Иметь или быть?* Минск, 1997.
 32. Федеральная целевая программа «Молодежь России» на 2011-2015 гг.
 33. См.: Двадцать лет реформ глазами россиян... С. 207-208.
 34. Там же. С. 212, 214.
 35. См.: Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс. 2006. С. 91.
 36. См.: Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры?... С. 173.
 37. См.: Давыдов И. Разрушители иерархий // *Эксперт*. 2012. № 2. С. 95.
 38. См.: Фромм Э. *Бегство от свободы*. М.: Издательство «Изида». 2004. С.38, 80.
-